

В ПРОЦЕССЕ

ЭС

Журнал и анкета (прим. к Сов. культуры) - 1991 - 10 янв/1992 - с 11.

БУДНИЧНЫЕ ЗАПИСКИ

«МАРАТ—САД»
В ДВУХ
ИЗМЕРЕНИЯХ

Я долго думала, как написать о двух днях, проведенных с Раисой Недашковской? Приехала в Киев, два дня побегала вслед за актрисой, по ее спектаклям, концертам, встречам, написать же хочется скорее всего не об этом.

Перед спектаклем — это было уже во второй киевский день — оставалось еще минут сорок до начала, пошла по улице. Раиса Степановна, убегающая в гримерную — а мы с ней все время бегали, все время опаздывали, машины не было, да и места были все рядом, ни одна машина не повезет — так вот, убегающая, она сказала: «Налево Золотые Ворота!» Вспомнила, что видела их тысячу лет назад, в какой-то уже другой жизни, и пошла. Как и всюду, как и в Москве, было темно и скользко, но впереди вдруг обозначилась темная, наспущенная громада. Я, робея, подошла к ней, как любой современный человек подходит к святыне.

Вокруг не было ни души: все сидели по домам, в Киеве так же страшно ходить по вечерам, как и в Москве. Обошла святыню раза два, вернее почти что обожала, пару раз взглянула наверх. На благоговение оставалось всего ничего. И молча начала медленно двигаться обратно к театру. Но по дороге встретила другая достопримечательность: магазин, про-

довольственный и еще открытый: давали колбасу, полукопченую, и недорого. По купонам, конечно. Но народу было мало. И если бы я была не москвичкой и не шла на встречу с искусством, то, наверное, не удержалась бы и встала в очередь.

Однако потом, когда пришла в театр, то искренне пожалела, что колбасу эту не завезли в театр (теперь так делают в некоторых городах). Потому что слухи о подобном явлении распространяются мгновенно, и, может быть, тогда сюда набегало бы все-таки несколько больше народу.

В Киевском Молодежном театре в тот день давали «Марат—Сад» Петера Вайса, пьесу широко известную, но, как мне кажется, в Москве так и не поставленную. Пьесу об убийстве Марата, представленном маркизом де Садом в приюте Шарантон, — одним словом, пьесу о революции.

Киевские молодые актеры, как мне кажется, играли настолько заразительно и увлеченно, что по спине пробежал холодок — по спине, обращенной в полупустой зрительный зал. Как играть без отклика в зале? Эта же мысль недавно пришла мне в голову, когда была в Московском тюзне на «Записках из подполья». Как жить искусству в ситуации, когда всем не до искусства?

И все-таки убеждена — те, что были в зале, пережили прекрасное чувство катарсиса, о котором писали светлыми средиземноморскими ночами древние греки. И когда после спектакля, за кулисами, я видела молодых актеров, выходивших и выбегавших в легких курточках и со спортивными сумками на улицу, что подле Золотых Ворот, я думала об их мужестве и об эффекте публичного одиночества, которое единственно способно спасти того, кто сегодня посвятил се-

бя нелегкой доле служения искусству.

А Шарлотту Корде играла Раиса Недашковская, та самая, знаменитая, что спустя много лет после создания «Комиссара» получила «Никку» за исполнение роли Марии. Собственно говоря, согласно пьесе, она играла даже не Шарлотту Корде, а сумасшедшую из богадельни Шарантон, которая назначена на роль убийцы Марата. Хорошо зная Недашковскую по кинематографу, я впервые видела ее на сцене, и это не только не стало разочарованием (что, признаться, случается нередко, когда видишь на сцене кинозвезду), но открыло для меня актрису в совершенно новом свете. Она появляется на подмостках (вернее, ее приволакивают служители больницы) в белом балахоне со спеленутыми длинными рукавами и пребывает как бы в летаргии. Почти весь первый акт лежит на скамейке, только время от времени ее поднимают, и она начинает махать своими спеленутыми крыльями, как больная птица. И издавать нечленораздельные звуки.

«Шарлотта» пробуждается во втором акте. И это пробуждение страшно. Потому что импульс эйфорической толпы, гигантская инъекция площадной истерии вошла в ее больную душу. И она начинает вокруг Марата свою бешеную пляску смерти — в этом балахоне, с разорванными теперь рукавами и с ножом в руках.

Вот так и кружили мы с актрисой. Сначала вокруг Марата, потом между Сирано и Кристианом, когда на другой день она была растаповской Роксаной. А еще я бегала за ней по Киеву, по его холмам и улицам, по разным клубам и вечерам самостоятельности: такая она, жизнь артиста, мало чем отличающаяся сегодня от существования безумных обитателей парижского приюта Шарантон. Вдруг в какой-то момент появился гитарист Евгений. И мы помчались на

встречу в какой-то клуб. И долго, целых сорок минут (а все это было перед спектаклем «Сирано де Бержерак», где один грим Роксаны занимает у нее больше часа) сидели в какой-то тесной комнате. И ждали. Ждали, пока в фойе расставят праздничные столы с бутербродами и конфетами для участников самодеятельности. И когда наконец наше общее терпение лопнуло, гитарист Женья сильно ударил по струнам. Дверь открылась. И в свете прожектора возникла безумная (опять безумная!) испанка, вся в черном и с монистом вокруг шеи. И мы услышали строки Федерико Гарсиа Лорки — любимого поэта Недашковской, строки о масляной долине. Они еще звучали в ушах, и гитара еще не была убрана в чехол, а мы уже мчались на стареньких «Жигулях» в театр: «Мне же сегодня весь вечер лазать по шведской стенке», — говорила, не глядя уже на часы, Недашковская. Шведская стенка — это декорация, придуманная сценарием и режиссером В. Шулаковым для постановки «Сирано де Бержерака» — современный вариант балкона.

Кружение вокруг Раисы Недашковской и кружение с Недашковской по зимнему городу Киеву привело нас, наконец, на вокзал, где мы узнали, что поезд из Бухареста на Москву опаздывает. Он пришел весь на последнем издыхании, как будто притащился не из цивилизованной Европы, а из диких степей. Прелестная Роксана в час ночи устало покорилась разъяренной уборщице с метлой: «Не связывайтесь, не надо! Они всегда правы!» И, отстояв свое до отхода моего поезда, растворилась в ночи, как усталый эльф...

Чем-то это напоминало кружение в Шарантоне — «Марат — Сад».

Валентина ИВАНОВА.
(Спец. корр. «ЭС»).

КИЕВ.

167